

Применение противоспутникового оружия: международно-правовые проблемы

Александр Солнцев
Алесь Ключня

Активные разработки в области наращивания военного потенциала и военной мощи для повышения государством эффективности своих вооружённых сил требуют использования спутников различного назначения, не являющихся оружием или угрозой нападения в космосе или из космоса, но представляющих собой при определённых обстоятельствах цель поражения для противоспутникового оружия, риск применения которого может быть обусловлен существованием его в качестве неотъемлемого элемента противоракетной обороны.

Решение вопроса о недопустимости применения оружия в космическом пространстве является одной из наиболее актуальных и первоочередных задач, стоящих перед мировым сообществом с самого начала космической эры. Усилия, направ-

ленные на реализацию политических интересов государств за счет использования в военно-стратегических целях космоса, напрямую зависят от необходимости укрепления международного правопорядка и поддержания международного мира

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой международного права юридического факультета РУДН, доцент. *E-mail*: a.solntsev@gmail.com

КЛЮНЯ Алесь Юрьевич – аспирант кафедры международного права юридического факультета РУДН. *E-mail*: klunya.alesj@gmail.com

Ключевые слова: международное право, противоспутниковое оружие, космическое пространство, НАТО, противоракетная оборона.

и безопасности посредством соблюдения норм и принципов современного международного права.

К противоспутниковому оружию (ПСО) можно отнести виды вооружений, специально используемые для уничтожения космических аппаратов, запущенных в космос и выполняющих навигационные и разведывательные задачи. При этом противоспутниковое оружие может включать в себя как спутники-перехватчики, так и баллистические ракеты, запускаемые с наземных установок а также самолётов или кораблей.

Так, например, американская ракета SM-3 (*Standard Missile 3*), являющаяся неотъемлемой частью системы ПРО корабельного базирования *Aegis (Aegiscombatsystem)*, имеет возможность поражать спутники, что было продемонстрировано на практике (21 февраля 2008 г.), когда ракета SM-3 успешно поразила американский военный спутник *USA-193*.

Таким образом, в свете использования противоспутникового оружия в качестве элемента ПРО справедливо возникает вопрос о том, какие международно-правовые последствия порождает такое использование ПСО.

Проблеме нейтрализации космоса в отечественной науке международного права особое внимание уделяли такие учёные, как: Г.П.Жуков, В.С.Верещетин, Ю.М.Колосов, Е.О.Коровин, И.И.Котляров, М.Н.Лысенко, Ю.Н.Малеев, А.В.Яковенко и др.

Под нейтрализацией в международном космическом праве понимается установление в космическом пространстве международно-правового режима, который исключал бы ведение в космическом пространстве боевых операций, поражение объектов противника на Земле и в воздушном пространстве с помощью ору-

жия космического базирования, поражение объектов с помощью оружия наземного, морского и воздушного базирования, пролёт через это пространство боевых ракет одного государства для нанесения удара по наземным военным объектам противника¹.

Как подчёркивает профессор Ю.Н.Малеев в отечественной доктрине международного права в определённой степени устойчивым является мнение о неправомерности использования космического пространства в военных целях². Несостоятельность же попыток международно-правового обоснования возможности применения вооружённой силы в космосе западными политиками и юристами также нашла своё отражение в научных трудах отечественных учёных³.

При этом следует особо отметить, что встречающиеся в современной науке международного космического права мнения относительно существования в международном праве положений об использовании космоса исключительно в мирных целях представляют собой не более чем цель на будущее, но никак не устоявшийся принцип¹.

Здесь необходимо указать на тот факт, что между понятиями мирная цель и «использование в мирных целях» существует определённое различие. Мирная цель – это намерение действовать мирно, тогда как использование в мирных целях – это фактически мирное действие. В случае же утверждения принципа использования космического пространства в мирных целях, будет установлен запрет на любое военное использование космического пространства.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и

использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (далее – Договор по космосу 1967 г.)^{*}, являющийся основным инструментом по использованию и исследованию космоса, не определяет понятие «исследование и использование в мирных целях».

На сегодняшний день существуют два основных подхода к определению этого понятия: *невоенное использование космоса*⁴ и *неагрессивное использование космоса*⁵. С тем чтобы определить, какой из двух подходов применить к понятию «исследование и использование космического пространства в мирных целях», следует ориентироваться на правила толкования, установленные ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., в соответствии с которой договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения, любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто всеми участниками в связи с заключением договора, а также любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

При этом в соответствии со ст. 33 Венской конвенции 1969 г. возмож-

но обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения ст. 31.

Сторонники подхода *невоенного использования космоса* исходят из того, что космос неправомерно использовать в любых военных целях.

По их мнению, необходимо ориентироваться на положения Договора об Антарктике 1959 г., текст которого использовался при написании проекта Договора по космосу 1967 г.

В соответствии со ст. 1 Договора об Антарктике 1959 г. «Антарктика используется только в мирных целях; запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия».

Таким образом, по мнению ряда учёных, положение об использовании в мирных целях, закреплённое в Договоре об Антарктике 1959 г., означает «использование в невоенных целях». Так как ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров указывает, что договор должен толковаться в соответствии с «обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте», ст. IV Договора по космосу 1967 г. следует толковать в свете ст. 1 Договора об Антарктике 1959 г.

Статья IV Договора по космосу 1967 г. проводит различие между правовыми режимами в отношении

^{*} Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. подписало и ратифицировало 101 государство, включая Россию, США и Китай.

использования Луны и других небесных тел и космического пространства в частности, ибо космическое пространство свободно от использования лишь ядерного оружия и оружия массового уничтожения, в то время как Луна и другие небесные тела используются всеми государствами исключительно в мирных целях⁶.

Таким образом, толковать положение «использование в мирных целях» как «использование в невоенных целях» можно лишь в отношении правового режима, установленного на Луне и других небесных телах, но отнюдь не в отношении космического пространства.

Подход невоенного использования космоса не нашёл своего отражения в практике космических держав. США, которые изначально придерживались позиции невоенного использования космоса в эпоху зарождения космической эры, вскоре поменяли её на доктрину неагрессивного использования космоса⁷.

СССР, поддерживая подход к невоенному использованию космоса, на практике использовал разведывательные спутники военного назначения⁸.

При этом концепция невоенного использования космоса рассматривалась не только при подготовке проекта Договора 1967 г., но и в рамках переговоров по принятию самого Договора, когда Индия предлагала распространить действие положения об использовании исключительно в мирных целях не только лишь на Луну и другие небесные тела, что подчёркнуто в ст. IV (2), но и на всё космическое пространство. Предложение Индии было отклонено⁹.

Концепция **«неагрессивного использования космоса»** предполагает подход, в соответствии с которым

военная деятельность в космосе ограничена ст. 2 (4) Устава ООН, устанавливающей запрет на применение силы и угрозы силой.

Данный подход активно поддерживают США. В соответствии с этой позицией государства придерживаются пассивного использования в военных целях космоса, например, в разведывательных целях или с тем, чтобы осуществлять контроль над вооружением. Этот подход к использованию космоса представляется сторонникам данной концепции правомерным. Однако пока на практике данная позиция поддерживается рядом государств, полная нейтрализация космического пространства практически нереализуема¹⁰.

Как отмечал Манфред Ляхс, «если мирное использование космоса подразумевает исключительно запрет агрессивного использования космического пространства, должно быть ссылок на международное право и Устав ООН достаточно»¹¹.

Таким образом, М. Ляхс прямо указывает на целесообразность решения вопроса о том, какие уже действующие механизмы международного права могут быть применены для разрешения проблемы использования космического пространства в военных целях.

Известный профессор, основоположник науки международного космического права, Г.П. Жуков, не раз в своих трудах отмечал актуальность стремлений международного сообщества установить запрет на проведение испытаний противоспутникового оружия, которое было бы способно повредить, вывести из строя или уничтожить спутниковые системы государств, призванные обслуживать их наземные вооружённые силы. По его мнению, действия государства по уничтожению спутников противника, с точки зрения современного международного права, квалифицируются как вооружённое нападение на другое государство со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями¹.

Необходимо указать, что, как в США, так и в СССР, ещё в самом начале 60-х годов существовали проекты по созданию противоспутниковых систем (ПСС). При этом в США работа над такими проектами началась ещё до того, как ими был запущен в космос первый спутник.

Первым в истории испытанием противоспутникового оружия явился запуск в 1959 г. с американского реактивного стратегического бомбардировщика В-47 ракеты, которая прошла всего в нескольких км от спутника «Эксплорер-6».

В 60-х годах США приняли на вооружение новую противоспутниковую систему, но уже на основе наземных стационарных ракетных систем, снятых в последующем с эксплуатации в связи с недостаточной их мобильностью и дальностью полёта¹². Однако уже в 80-х годах США провели успешный запуск ракеты с истребителя F-15, которая на высоте 525 км поразила действующий спутник «Солунд» весом 850 кг. Но и эта система не была принята США на вооружение в связи с новой бюджетной политикой и невозможностью осуществлять перехват высокоорбитальных объектов¹³.

Разработки противоспутникового оружия в СССР проводились в 60-х годах прошлого века. В 1968 г. советский экспериментальный космический аппарат-перехватчик ИС «Истребитель спутников» осколочной боевой частью поразил искусственный спутник Земли¹⁴, однако уже в 1983 Советский Союз заявил о прекращении испытаний такого оружия, а в 1993 г. комплекс ИС был снят с вооружения¹⁵.

Тем не менее уже в 80-е годы прошлого столетия США развернули полномасштабные разработки по системам защиты от баллистических ракет с применением космического элемента противоракетной обороны, что в 1983 г. привело к созданию программы «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), целью которой являлась атака и уничтожение спут-

ников противника, а также нанесение молниеносных ударов из космоса по целям на земле. Препятствием реализации на практике программы «СОИ» явились технологическая сложность её создания и интеграции соответствующих оружейных систем¹⁶.

Так как противоспутниковое оружие может являться частью противоракетной обороны, имеет смысл отметить тот факт, что особо пристальное внимание ПРО уделялось как со стороны СССР, так и США.

Среди проектов, разрабатываемых США, можно указать такие программы, как «Сентинел» (60-е годы) и «Сейфгард» (70-е годы), которые так и не были реализованы в связи с их технологическим несовершенством и невозможностью осуществлять защиту территории всей страны.

В СССР же программы по разработке противоракетного оружия велись с 60-х годов.

Результатом их стало развёртывание в 70-х годах вокруг Москвы действующей и ныне системы противоракетной обороны на базезаатмосферных ядерных ракет-перехватчиков¹².

К 1970 г. как Москва, так и Вашингтон пришли к осознанию того факта, что наращивание противоракетного потенциала одного государства неизбежно приводит к необходимости укрепления другим государством ракетных войск стратегического назначения, что в 1972 г. привело к подписанию советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны, который устанавливал жёсткие ограничения на такие системы, в том числе космические. Однако 13 декабря 2001 г. Дж.Буш-младший заявил об одностороннем выходе США из Договора, что с российской стороны было расценено не только как угроза двусто-

ронным отношениям государств, но и как действие, направленное против ряда стран, активно выступавших за сохранение договора по ПРО¹⁷.

При администрации Дж.Буша-младшего США вновь приступили к созданию многоэшелонной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования.

В 2002 г. в США было принято решение о реализации национальной системы ПРО, составной частью которой должны были стать ракеты-перехватчики большой дальности *GBI (Ground Based Interceptors)*, и региональной системы противоракетной обороны, в основе которой должны стоять системы, призванные осуществлять перехват ракет средней и меньшей дальности.

Для этих целей подразумевалось использование противоракетного комплекса мобильного наземного базирования для высокого перехвата ракет средней дальности *THAAD*, с тем чтобы уничтожить те цели, которые прошли рубеж обороны *GBI*. К 2008 г. глобальная система противоракетной обороны Соединённых Штатов включала в себя уже три эшелона¹⁸.

В начале 2010 г. НАТО вышла на реализацию первого этапа начального потенциала, который бы позволил осуществить защиту военных сил государств – членов НАТО от ракетных угроз.

В рамках встреч на высшем уровне в Лиссабоне в ноябре 2010 г. государства – члены НАТО приняли решение о реализации проекта по созданию системы коллективной ПРО. В этой связи было принято решение о расширении масштаба сил, средств управления и связи в рамках существующей программы активной эшелонированной противоракетной обороны для защиты не только вооружённых сил, но и населения и тер-

ритории европейских государств – членов НАТО. В данном контексте европейский поэтапный адаптивный подход США и прочие возможные национальные средства приветствуются в качестве ценного вклада государств в архитектуру противоракетной обороны НАТО¹⁹.

17 сентября 2009 г. президентом США Б.Обамой было объявлено о реализации США нового подхода к ПРО на европейском пространстве.

Данный план получил название «Европейский поэтапный адаптивный подход», который предусматривает развёртывание различных модификаций трехступенчатой противоракеты *SM-3*, призванной осуществлять заатмосферный перехват на среднем участке полета баллистических ракет малой и средней дальности. В данном контексте достаточно актуальной проблемой является выход в Средиземное море крейсера «Монтерей», оснащенного системой «Иджис» с противоракетами *SM-3 Block 1A*²⁰.

При этом система «Иджис» уже была испытана США.

6 ноября 2007 г. был произведен успешный запуск ракет нового поколения «Стандарт-3» (*SM-3*), которые на высоте около 180 км прямым попаданием осуществили перехват групповой цели.

Данный перехват был реализован комплексом «Иджис» (*Aegis*, версии 3.6) с крейсера «Лейк Эри».

21 февраля 2008 г. США запустили ракету *SM-3с* крейсера «Лейк Эри» в Тихом океане, поразив на высоте 247 км аварийный разведывательный спутник *USA-193*, который, несмотря на высокую скорость, двигался по заранее известной и неизменной траектории.

11 января 2011 г. Китай провёл успешные испытания противоспутниковой системы, запустив противо-

ракету с космодрома Сичан, находящегося в провинции Сычуань²¹.

Реализовав кинетический перехват, выпущенная с космодрома ракета уничтожила китайский функционирующий метеорологический спутник *FY-1C*, расположенный на орбите на высоте 537 км²². Это были первые испытания противоспутниковой системы, проведённые с момента окончания холодной войны между СССР и США²³, итогом которых явилось образовавшееся в космическом пространстве множество осколков спутника, представляющих угрозу их столкновения с действующими искусственными спутниками Земли и другими орбитальными объектами²⁴. Попутно отметим, что в результате уничтожения США спутника *USA-193* каких-либо осколков в космическом пространстве не образовалось.

По мнению ряда учёных, действия Китая по уничтожению своего спутника *FY-1C* можно квалифицировать как нарушающие ст. IX Договора по космосу 1967 г., ибо со всей уверенностью можно было бы полагать, что в результате кинетического перехвата космического объекта Китаем образуется большое количество осколков, создающих угрозу нормального исследования и использования космического пространства²⁵.

Ещё одним вопросом о нарушении Китаем ст. IX Договора по космосу 1967 г. является проблема применимости положения данной статьи о том, что если какое-либо государство – участник договора имеет основания полагать, что деятельность или эксперимент, запланированные этим государством – участником договора, создадут потенциально вред-

ные помехи деятельности других государств – участников договора по мирному исследованию и использованию космического пространства, то оно должно провести соответствующие международные консультации, прежде чем приступить к такой деятельности или эксперименту.

В этой связи уничтожение Китаем спутника *FY-1C* без проведения соответствующих консультаций, согласуется с практикой США и СССР периода холодной войны, когда государства при испытании противоспутникового оружия не проводили надлежащих консультаций.

Тем не менее на сегодняшний день можно констатировать тот факт, что практика проведения консультаций в соответствии со ст. IX Договора по космосу 1967 г. при испытании противоспутниковых систем ещё не устоялась²⁵.

Относительно же возможного нарушения США ст. IX Договора по космосу 1967 г. следует указать, что минимальное требование о проведении соответствующих консультаций они выполнили, хотя и отрицают применимость к их действиям по уничтожению спутника соответствующей ст. Договора 1967 г.²⁵

В этой связи необходимо отметить, что уведомление международного сообщества США о готовящемся уничтожении собственного спутника в 2008 г. в общем и целом соответствует принятой ими в последующем Национальной стратегии безопасности в космосе 2011 г., которая подчёркивает необходимость увеличения прозрачности и информационного обмена между государствами в их космической деятельно-

сти и введения новых международно-правовых норм в этой сфере²⁶.

Реакция США на действия Китая по уничтожению им своего спутника была негативной.

Соединённые Штаты заявили, что факт уничтожения Китаем спутника является «тревожным сигналом»²⁷, «несовместимым с духом сотрудничества двух государств в области использования космоса»²⁸, не указывая на неправомерность действий Китая или несовместимость данных действий с какими-либо международно-правовыми обязательствами по тому или иному международно-правовому акту.

В свою очередь, Китай, после того как США сбили свой спутник *USA-193*, заявил, что этот факт может угрожать безопасности в космическом пространстве, призвал правительство США обмениваться данными о потенциальной угрозе космического мусора, образовавшегося в результате уничтожения спутника, и подчеркнул, что внимательно отслеживает потенциальную возможность нанесения ущерба безопасности государств, осуществляющих свою деятельность в космическом пространстве²⁹.

В результате неоднократного нарушения государствами ст. IX Договора по космосу 1967 г. намечаются предпосылки для формирования негативной тенденции, направленной на несоблюдение положения о необходимости проводить консультации в случае, если деятельность или эксперимент, запланированные государствами в космосе создадут потенциально вредные помехи деятельности других государств для мирного исследования и использования кос-

мического пространства. Усиление данной тенденции в практике государств в будущем может вызвать необходимость принятия международно-правового акта для закрепления положения о том, что государства при испытании противоспутникового оружия с целью уничтожения собственных космических объектов принимают на себя обязательства проводить консультации в случае, если такие испытания потенциально препятствуют исследованию и использованию космического пространства другими государствами.

Статья IX Договора по космосу 1967 г. в части консультаций зачастую не исполняется прежде всего в связи с тем, что процедура проведения таких консультаций Договором прямо не прописана. Более того, какое-либо институциональное учреждение, специально созданное для уведомления государств о таком возможном использовании противоспутникового оружия, которое могло бы препятствовать нормальному исследованию и использованию космоса вследствие уничтожения спутников, сегодня отсутствует, что также затрагивает проблему исполнения обязательств по ст. IX Договора по космосу 1967 г.

Так как США уничтожили спутник *USA-193* американской зенитной управляемой ракетой *SM-3*, которая поставлена на вооружение НАТО, имеет смысл рассмотреть ситуацию, сложившуюся вокруг ПРО НАТО в Европе.

Обращает на себя внимание распространённый в феврале 2012 г. в Мюнхене на 48-й международной конференции по вопросам безопасности доклад «Противоракетная обо-

рона: к новой парадигме», разработанный международной комиссией экспертов «Евро-атлантическая инициатива в сфере безопасности». В соответствии с данным документом, развёртываемые в рамках реализации Европейского поэтапного адаптивного подхода ракеты-перехватчики США останутся на своих позициях в непосредственной близости от границ Российской Федерации; при этом корабли, оснащённые данными ракетами, будут находиться в Балтийском, Средиземном и Северном морях³⁰.

В связи с ситуацией, сложившейся вокруг противоракетной обороны государств – членов Североатлантического альянса, не учитывающих озабоченность России архитектурой европейской ПРО и отказывающихся закрепить на международно-правовом уровне чёткие юридические обязательства членов НАТО в отношении ненаправленности их действий по развёртыванию ПРО на европейском континенте, Д.А.Медведев, ещё будучи Президентом, заявил о принятии Россией ряда ответных мер, включая возможность выхода из договора СНВ-3 при определённых обстоятельствах, а также развёртывание ракетного комплекса «Искандер» в Калининградском особом районе³¹.

На сегодняшний день есть ряд оснований полагать, что система «Иджис», являющаяся неотъемлемой частью ПРО НАТО, может быть использована для нанесения удара по космическим объектам противника, что совершенно определённо требует международно-правовой квалификации действий по применению данной системы.

На наш взгляд, следует ещё раз в контексте сегодняшних реалий проанализировать традиционный подход отечественной науки международного права к вопросу о военном использовании космоса.

В космосе, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, государства обязаны соблюдать основные общепризнанные принципы Устава ООН, в том числе и принцип, запрещающий угрозу силой и её применение, нашедший своё отражение в п. 4 ст. 2 Устава ООН.

В ряде многосторонних соглашений по космосу отмечается применимость к космическому пространству Резолюции Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН 110 (II) от 3 ноября 1947 г., осуждающая пропаганду, целью которой является усиление угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. В соответствии со ст. 51 Устава ООН каждое государство обладает неотъемлемым правом на индивидуальную или коллективную самооборону, к которому оно может прибегнуть в случае вооружённого нападения до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не примет необходимых мер для поддержания международного мира и безопасности.

Как отмечает Ю.Н.Малеев, необходимо признать правомерность использования космического пространства в целях нанесения ответного удара по агрессору в рамках реализации права на самооборону, однако нанесение «упреждающего удара» из космоса или через него вызывают сегодня определённые сомнения, ибо факт нанесения такого удара противоречит ст. 51 Устава ООН, которая достаточно ясно определила пределы правомерной самообороны³².

При этом, касаясь вопроса о реализации государством неотъемлемо-

го права на самооборону, необходимо указать, что единого мнения относительно толкования ст. 51 Устава ООН на сегодняшний день нет. Вопрос о том, каким образом следует толковать ст. 51 Устава ООН в научной среде, однозначно не решён. Споры о толковании данной статьи сконцентрированы в основном на том, является ли право на самооборону, закреплённым исключительно в Уставе ООН, должно ли оно применяться строго в соответствии с формулировкой Устава, или же данное право является нормой обычного права, выходящего за рамки Устава и его положения о правомерности реализации самообороны исключительно в случае вооружённого нападения на государство³³.

Те, кто придерживается расширительного толкования ст. 51 Устава ООН, утверждают, что ссылка на неотъемлемое право на самооборону не исключает факта существования соответствующей нормы международного обычного права, которое не предусматривает в качестве условия реализации данного права вооружённое нападение. По их мнению, неотъемлемое право на самооборону включает в себя также и право на осуществление государством упреждающей самообороны в целях защиты своих граждан за пределами национальной юрисдикции государства³⁴.

Противники же расширительного толкования ст. 51 Устава ООН отмечают, что такое толкование лишает заложенную в неё формулировку цели, ибо она предусматривает определённые ограничения при реализации права на самооборону. Одним из таких ограничений является условие

вооружённого нападения на государство, и было бы странным, если бы государства не руководствовались положением Устава, закрепившим условием осуществления права на самооборону. Более того, по их мнению, право на самооборону является исключением из принципа неприменения силы или угрозы силой, закреплённого в ст. 2 (4) Устава ООН, что вызывает необходимость узкого толкования ст. 51. Кроме того, выступающие против расширительного толкования ст. 51 отрицают факт существования на момент подписания Устава ООН обычной нормы международного права, в соответствии с которой право на самооборону включало бы условие вооружённого нападения в целях реализации законной самообороны³⁵.

Решение вопроса о толковании ст. 51 Устава ООН представляется исключительно важным аспектом в контексте рассматриваемой проблемы применения противоспутникового оружия, в том числе и в рамках расширения НАТО, вооружённые силы которого включают в себя и зенитные управляемые ракеты семейства «Стандарт» (в частности, SM-3)³⁶, предназначенные для перехвата баллистических ракет и боеголовок на заатмосферных высотах и использовавшиеся в целях уничтожения экспериментального разведывательного спутника Управления национальной разведки США USA-193³⁷.

Действующая Стратегическая концепция НАТО подчёркивает твердую преданность государств-членов «целям и принципам Устава ООН и Вашингтонского договора, который подтверждает главную ответственность Совета Безопасности за под-

держанию международного мира и безопасности»³⁸. При этом в связи с нерешённостью вопроса относительно толкования неотъемлемого права государств на самооборону проблема использования противоспутникового оружия остаётся актуальной.

Так или иначе, вопрос о правомерности осуществления права на превентивную самооборону как в доктрине международного права, так и на практике однозначно не разрешён. Тем не менее он имеет ключевое значение для решения вопроса об использовании противоспутникового оружия в том случае, если какое-либо государство реализует планы по уничтожению спутника другого государства. В соответствии со ст. VIII Договора по космосу 1967 г. государство – участник договора, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над этим объектом. Таким образом, действия по уничтожению спутника противника могут быть квалифицированы как вооружённое нападение на государство, осуществляющее над данным спутником свою юрисдикцию, что вызовет необходимость квалификации таких действий в соответствии со ст. 2(4) Устава ООН либо ст. 51 Устава, если государство будет действовать в порядке самообороны.

Предотвращение использования оружия в космическом пространстве является одним из ключевых аспектов в мирном исследовании и использовании космоса.

Уже несколько лет вопрос о частичной нейтрализации космического пространства стоит на повестке

Конференции по разоружению и Комитета ООН по мирному использованию космического пространства. При этом следует особо подчеркнуть, что в 2004 г. Россия сделала заявление о том, что она не будет первой размещать оружие любого вида в космосе³⁹. Эта инициатива была поддержана государствами Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые выступили с аналогичным заявлением (июнь 2005 г.). Более того, Россией и Китаем на 65-й сессии ГА ООН был выдвинут проект резолюции «Меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности»⁴⁰ (МТДК), который получил большинство голосов в первом комитете ГА.

В резолюции говорится о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, что позволит устранить серьёзную угрозу для международного мира и безопасности, и подчёркивается необходимость изучения дальнейших мер по выработке соответствующих соглашений в этой связи⁴¹.

На той же 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2010 г. была принята резолюция 65/68, содержащая обращение к Генеральному Секретарю ООН об учреждении на основе справедливого географического представительства Группы правительственных экспертов для проведения, начиная с 2012 г., исследования по мерам транспарентности и доверия в космосе, которое должно быть представлено Генассамблее ООН на ее 68-й сессии (2013 г.). При этом Российская Федерация исходит из того, что применение этих мер, не заменяя усилий по предотвращению гонки вооружений в космосе, способствовало бы большей транспарентности и предсказуемости космической деятельности во всех сферах, в том числе военной⁴².

Особое значение приобретает факт внесения в 2008 г. Российской Федерацией и Китаем на рассмотре-

ние Конференции по разоружению (КР) в Женеве совместного проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК), который учитывает предложения государств – членом КР вовремя разработки положений данного документа.

Проект ДПРОК внесён с исследовательским мандатом, что предполагает в последующем перевод работы в переговорное русло с учреждением соответствующего Спецкомитета КР⁴³.

Следует подчеркнуть, что одна из основных задач ДПРОК – установить запрет на применение силы или угрозы силой в отношении космических объектов, что, безусловно, укрепит глобальную безопасность и ликвидирует существующие пробелы в международном космическом праве.

Важно подчеркнуть, что ДПРОК даёт определение космического объекта и вводит понятие «оружие в космическом пространстве», которое следует отличать от межконтинентальных баллистических ракет, ибо в ДПРОК речь идёт об оружии космического базирования, размещённом в космическом пространстве.

Проект вводит понятие «применения силы» или «угроза силой», под которым понимаются любые «враждебные действия против космических объектов, включая направленные, в частности, на их уничтожение, повреждение, временное или постоянное нарушение нормального функционирования, преднамеренное изменение параметров орбиты, или угроза совершения таких действий».

По мнению некоторых экспертов противоспутниковое оружие или баллистические ракеты, способные выполнять функции ПСО, используемые для уничтожения космических объектов, также являются космическим оружием.

Как отмечает Г.П. Жуков, отдельные элементы ПРО США обладают возможностью

выполнять функции двойного назначения в целях уничтожения как баллистических ракет, так и космических объектов, что чревато разрушением существующего стратегического баланса и стабильности, подрывом основ глобальной безопасности и разрушением существующих приборов контроля над вооружением⁴³.

Проект ДПРОК не изменяет принятое в международном праве толкование права самообороны, которое является важным суверенным правом каждого государства. Статья 51 Устава ООН не ставит его в зависимость от каких-либо конкретных видов средств вооруженного нападения⁴⁴. Не регламентирует она и меры, которые могут быть приняты государством в порядке самообороны, не ограничивает их применением просторанственными рамками. Проект ДПРОК не призван установить запрет на использование противоспутникового оружия как класса, но ограничивает просторанственно распространение противоспутникового оружия, запрещая его применение лишь во враждебных целях, и вводит запрет на размещение оружия любого вида (в том числе и противоспутникового) в космическом пространстве. Проект ДПРОК не расширяет и не сужает правовые рамки ст. 51 Устава ООН, но и не оставляет каких-либо лазеек для применения противоспутникового оружия⁴⁴.

Существующая система положений Проекта должна будет действовать в отношении государств – участников соответствующего договора, сохраняя при этом право на самообороны в случае возможных враждебных действий со стороны государств, не ставших участниками ДПРОК. Данное право подтверждается ст. V этого проекта. Ракеты-перехватчики ПРО наземного, морского и воздушного базирования, а также баллистические

ракеты и их головные части Проектом не запрещаются. Такие вооружения не размещаются в космическом пространстве (не выводятся на орбиту, не устанавливаются на небесных телах и не размещаются в космосе каким-либо иным образом).

Разработку противоспутниковых систем наземного, морского и воздушного базирования проект ДПРОК не запрещает, ибо контроль за разработкой практически неосуществим. Испытания таких систем, в том числе по собственным мишеням в космосе, также не запрещаются, так как такие испытания (на поверхности Земли, в атмосфере и по космическим мишеням) не всегда могут быть достоверно обнаружены и распознаны. Запрещается применение таких систем во враждебных целях против космических объектов, что, в соответствии с определениями «применение силы» и «угроза силой», означает их уничтожение, повреждение, временное или постоянное нарушение нормального функционирования, преднамеренное изменение параметров орбиты или угроза совершения таких действий.

Российско-китайская инициатива в целом была благожелательно встречена в международном сообществе, в частности в рамках СНГ, а также в ряде государств – членов ЕС, например в Нидерландах, Румынии и ряде других стран. Тем не менее бывшая республиканская администрация США в целом неблагоприятно отреагировала на российско-китайскую инициативу. Однако с приходом к власти демократов в США Барак Обама на Библии поклялся добиваться запрета космического оружия. Белый дом заявил о намерении обеспечить свободу космосу и запрет на

применение оружие в космическом пространстве, ибо такой запрет является наилучшим способом предотвращения угрозы нападения на американские спутники.

Следует отметить, что 3 декабря 2008 г. Совет Европейского союза принял проект кодекса поведения в космическом пространстве, представляющий собой обязательства мягкого права, положения которого могут быть имплементированы в национальное законодательство государств – членов ЕС на добровольной основе.

Кодекс состоит из преамбулы и 12 статей. Преамбула данного документа содержит положение о том, что государства должны тесно сотрудничать в целях соблюдения международно-правовых актов, регулирующих мирное использование космического пространства¹⁰.

Как отмечает В.С.Верещетин, один из новоположников международного космического права и Судья Международного Суда ООН, «бесполезно пытаться найти в документе хотя бы одно слово относительно необходимости предотвращения размещения оружия в космическом пространстве – самой неотложной меры, необходимой для того, чтобы воспрепятствовать превращению космоса в арену конфликта. В другом месте, авторы объясняют это нежеланием дублировать или конкурировать с другими инициативами в этой области. Однако такой аргумент малоубедителен. Даже необязательный многосторонний документ, который претендует на то, чтобы быть кодексом "основных правил, которые следует соблюдать космическим государствам", не может игнорировать эту очевидную озабоченность»⁴⁵.

Кодекс поведения ЕС, к сожалению, не запрещает применение оружия в космосе, из чего вытекает тот факт, что на сегодняшний день политические условия для принятия полномасштабного договора о запрете на космические вооружения с пози-

ции государств – членов ЕС ещё не созрели. При этом необходимо отметить, что, хотя на сегодняшний день 21 из 27 государств – членов ЕС являются государствами – членами НАТО*, но в свете расширения НАТО на Восток политика ЕС о размещении ПРО НАТО на своей территории в определённой степени объясняет и молчаливую позицию ЕС о недопущении запрета на использование оружия в космосе.

Как справедливо указывает В.В.Штоль, в настоящее время в рамках трансформации Североатлантического альянса стратегическое партнёрство между НАТО и ЕС можно охарактеризовать как наиболее устойчивое и продвинутое в контексте взаимодействия НАТО с другими международными организациями и интеграционными объединениями⁴⁶.

Вместе с тем следует отметить те существующие на сегодняшний день в научных исследованиях конструктивные предложения по обеспечению безопасности космической деятельности в ближайшей перспективе, среди которых необходимость разработки и принятия Всеобъемлющей конвенции о безопасности и устойчивом развитии космической деятельности в целях развития в дальнейшей перспективе процесса пересмотра и совершенствования ключевых положений международного космического права для сокращения имеющегося отставания международной базы от реалий исследования и использования космического пространства, а также восстановления по эгидой КР деятельность Специального комитета по космосу в целях продвижения ДПРОК и координации работ по контролю недопуще-

ния накопления военно-космического потенциала, в том числе с целью инкорпорирования мер доверия и транспарентности в систему управления процессом обеспечения безопасности космической деятельности⁴⁷.

Проблема использования противоспутникового оружия для уничтожения космических объектов и искусственных спутников Земли принимает особую актуальность в свете расширения Североатлантического альянса и реализации поэтапного адаптированного подхода к развёртыванию на Европейском континенте системы ПРО государств – членов НАТО. Использование оружия двойного назначения в качестве элемента ЕвроПРО, потенциально способного при определённых обстоятельствах вывести из строя действующие спутники государств, не являющихся членами НАТО, в случае принятия НАТО решения о возможной угрозе со стороны того или иного государства, препятствует взаимному сотрудничеству государств в целях укрепления глобальной системы безопасности. В контексте озабоченности Российской Федерацией расширением НАТО, принятие Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов может сыграть существенную роль в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, укреплении существующей системы международного права и создании глобальной архитектуры безопасности.

* Из 27 стран ЕС в НАТО не входят Ирландия, Кипр, Финляндия, Швеция, Мальта и Австрия.

Примечания

- ¹ Международное космическое право / под ред. Г. П. Жукова, Ю. М. Колосова. М., 1999. С. 199, 208, 200.
- ² Малеев Ю. Н. Военное использование космоса в интересах международной безопасности // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. А. Я. Капустин, А. Х. Абашидзе. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 29.
- ³ Верещетин В. С. Несостоятельность американских правовых концепций применения силы в космическом пространстве // Американский империализм – нарушитель международного права. М., 1985. С. 43–56.
- ⁴ Markoff M. G. Disarmament and peaceful purposes provisions in the 1967 Outer Space Treaty // Journal of Space Law. 1976. P. 4; Vlasic I. A. Disarmament decade, outer space and international law // Annual Air and Space Law. 1981. № 26 (2). P. 26.
- ⁵ Dembling and Arons. The evolution of outer space treaty // Journal of Air Law and Commerce. 1967. P. 419; Meyer A. Interpretation of the term peaceful in the light of the space treaty // Zeitschrift für Luft- und Weltraum. 1969. S. 28.
- ⁶ Cheng B. The 1967 Outer Space Treaty: thirtieth anniversary // Air and Space Law. 1998. № 4/5. P. 156.
- ⁷ US Senate commentary on aeronautical and space sciences, documents on international aspects of the exploration and use of outer space 1954–1962. 88th Cong. 1st Session.
- ⁸ Cheng B. The commercial development of space: the need for new treaties // Journal of Space Law. 1991. P. 17.
- ⁹ U.N. doc.A/AC.105/PV.3 (Mar. 20. 1962).
- ¹⁰ Tronchetti F. Developing a European-Chinese/Russian Approach to the Issue of Non-Weaponization of Outer Space: a Feasible Goal? // Report of the 53 rd Colloquium on the Law of Outer Space. Prague, Czech Republic. 2010. P. 193, 194.
- ¹¹ Lachs M. The international law of outer space. 1964. Recueil de Cours. P. 89.
- ¹² Лысенко М. Н. Правовые проблемы и перспективы запрещения оружия в космосе. Дис... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 33, 34.
- ¹³ Копляров И. И. Звёздный мир против «звёздных войн». М., 1988. С. 132–133; Белоус В. С. Космическая рулетка Пентагона. М.: изд-во АПН, 1988. С. 36–37.
- ¹⁴ Богданов С. Уздечка для ядерных скакунов // Красная звезда. 2005. 27 декабря.
- ¹⁵ Клаповский А. Космос и стратегическая стабильность // Ракеты и космос. 2001. Осень. Т. I. № 2. С. 3.
- ¹⁶ Шальнев А. А. «Звёздные войны»: что думают американцы. М.: Политиздат, 1987. С. 28.
- ¹⁷ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И. С. Иванова от 16 марта 2002 г. // URL: <http://www.mid.ru/bl.nsf/218603db65cac2d343256ac50038d63e/d14bcb586f19148443256b800030c206?OpenDocument>
- ¹⁸ Система противоракетной обороны (ПРО) США. Справка РИА Новости. 13 июля 2011 // URL: <http://ria.ru/spravka/20110713/399998194.html#13544900046552&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>
- ¹⁹ Портал Государственного департамента США. Организация Североатлантического договора: Противоракетная оборона. Справочный материал. С.-1 // URL: http://photos.state.gov/libraries/russia/5/missile-defense/RUS_nato_fact_sheet_missile_defense.pdf
- ²⁰ Стенограмма Государственного департамента США. Бюро по вопросам контроля над вооружениями, проверки и соблюдения соглашений // Информационный бюллетень: Европейский поэтапный адаптивный подход США (ЕРАА) и противоракетная оборона НАТО. 3 мая 2011 // URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/Russian/texttrans/2011/05/20110504112531x0.3518749.html#axzz2DwObH9ce>
- ²¹ Covault C. Chinese Test Anti-Satellite Weapon, Aviationweek. 2007. Jan. 17 // URL: http://www.aviationweek.com/aw/generic/story_channel.jsp?channel=space&id=news/CHI01177.xml

- ²² *Kelso T.S. Analysis of the 2007 Chinese ASAT Test and the Impact of its Debris on the Space Environment. 2007 Amos Conference. 2007. P.321.*
- ²³ *Kan Sh. China's Anti-Satellite Weapon Test // CRS Report for Congress. 2006. Apr. 23 // URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/84322.pdf>*
- ²⁴ *Жуков Г.П., Солнцев А.М. Проблемы экологически устойчивого использования ракетно-космической техники // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11 (30). С. 87–94; Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Генералов В.Л. Руководящие принципы предупреждения образования космического мусора 2007 г. // Международное право – International law. 2009. № 2 (38). С. 283–295 (299).*
- ²⁵ *Mineiro M.C. FY-1C and USA-193 ASAT Intercepts: an Assessment of Legal Obligation Under Art. IX of the Outer Space Treaty // Journal of Space Law. Vol. 34. № 2. 2008. P. 354.*
- ²⁶ *Лузин П. Цели космической политики Б.Обамы // Международные процессы. Т. 10. 2012. № 1(28) // URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/09.html>*
- ²⁷ *Boese W. Chinese Satellite Destruction Stirs Debate // Arms Control Today. 2007. March. P. 27, 28.*
- ²⁸ *Weitz R. U.S. Allies Criticize China's Anti-Satellite Weapon Test; Media Notes Concerns About U.S. Space Policies, 13 WMD Insights. 2007. P. 2, 3.*
- ²⁹ *Shanker Th. et al. An Errant Satellite Is Gone, but Many Questions Linger // N.Y. Times. 2008. Feb. 22 // URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C1E0DF153BF931A15751COA96E9C8B63>*
- ³⁰ *Козин В.П. «Иджис» – прямая угроза России // Национальная оборона. № 2. 2012. Окт. // URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2012/0416/18358201/detail.shtml>*
- ³¹ *Стенограмма заявления президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 23 ноября 2011 г. // URL: <http://президент.рф/transcripts/13637>*
- ³² *Малеев Ю.Н. Военное использование космоса в интересах международной безопасности // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. А.Я.Капустин, А.Х.Абашидзе. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 34.*
- ³³ *Gray Ch. The Use of Force and International Legal Order. International Law. ed. By Evans D. Malcolm. Oxford University Press. Third edition. 2010. P. 625.*
- ³⁴ *Bowett D.W. Self-Defence in International Law. N.Y.: Praeger, 1958. P. 294.*
- ³⁵ *Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. Oxford University Press. 1963. P. 560.*
- ³⁶ *Fact Sheet on U.S. Missile Defense Policy – A Phased, Adaptive Approach for Missile Defense in Europe. Office of the Press Secretary. The White House. 17 September 2009. Retrieved 23 August 2012.*
- ³⁷ *Webb A. Joint effort made satellite success possible. The official site of U.S. Air Force. 26.02.2008 // URL: <http://www.af.mil/news/story.asp?id=123087750>; One-Time Mission: Operation Burnt Frost. Missile Defense Agency. U.S. Department of Defense. 20.02.2008 // URL: http://www.mda.mil/system/aegis_one_time_mission.html#*
- ³⁸ *Новая Стратегическая концепция НАТО «Активное вовлечение, современная защита». Постпредство России при НАТО. 20 ноября 2010 // URL: <http://natomission.ru/society/article/society/artbews/92>*
- ³⁹ *Лощинин В.В. выступление посла, постоянного представителя Российской Федерации на пленарном заседании Конференции по разоружению. «Транспарентность и меры укрепления доверия в космической деятельности». Женева. 13 июня 2006 г. // URL: http://www.geneva.mid.ru/disarm/11_rus.html*
- ⁴⁰ *Меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности и предотвращение размещения оружия в космическом пространстве // URL: http://www.geneva.mid.ru/disarm/d-01_rus.html*
- ⁴¹ *URL: <http://www.unic.ru/bill/?ndate=2009-10-21>*

- ⁴² *Бородавкин А.Н.* Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Женева. 5 июня 2012 //URL: http://www.geneva.mid.ru/speeches/117_rus.html
- ⁴³ *Жуков Г.П.* Международное космическое право и вызовы XXI столетия. М.: РУДН. 2011. С. 24, 29.
- ⁴⁴ Письмо постоянного представителя РФ и постоянного представителя Китая на конференции по разоружению от 18 августа 2009 г. на имя генерального секретаря конференции CD 18/72.
- ⁴⁵ *Верещетин В.С.* Космическое право в общем правовом поле (общность и особенности) // Международное право – International Law. 2010. № 1.С. 61.
- ⁴⁶ *Штоль В.В.* Армия Нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010. С.219.
- ⁴⁷ *Коробушин Д.В., Оселедько В.В., Семененко Э.Г.* Особенности развития международного космического права в целях обеспечения безопасности космической деятельности в ближайшей перспективе. Геополитика и оборонная безопасность // Вестник Академии военных наук. 2011. № 1 (34). С. 35–36.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны и SPIN-код) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>